

АРМЯНСКАЯ ПЕСНЯ

Бодро иду я дорогой своей,
В сердце моем ни тоски, ни тревоги.
Девушка чистая, словно ручей,
Мне пожелала счастливой дороги.

Мы повстречались на самой горе,
Сакля стоит у фруктового сада.
Сладки и сочны плоды в сентябре,
Гнется под гроздью лоза винограда.

Девушка имени мне не сказала,
Взгляд ее синим лучом пробежал.
Счастья и друга в пути пожелала,
Смех ее в сердце моем задрожал.

Снова пошел я дорогой своей,
Нет на душе ни тоски, ни тревоги.
Девушка звонкая, словно ручей,
Мне пожелала счастливой дороги.

Только вдруг что-то случилось в пути:
Руки вдоль тела повисли без силы,

Стало мне жарко и трудно идти,
Путь показался далеким, унылым...

Нежно защелкал в кустах соловей,
Солнце спускалось, в горах пламеня,
Только у девушки голос нежней,
Только у девушки губы краснее.

Что же вы, сильные, крепкие ноги?!
Надо шагать нам дорогой своей:
Девушка быстрая, словно ручей,
Нам пожелаала счастливой дороги.

Я постоял и обратно пошел.
Сердце тревога неясная гложет.
Что потерял я и что я нашел?
Кто мне ответить на это поможет?

Я воротник распахнул на груди,
Душный, хмельной надвигается вечер.
Белая сакля стоит впереди,
Кто-то спускается быстро навстречу...

Люди, прислушайтесь к песне моей —
Лучше остаться сидеть на пороге,
Если вам скажет «счастливой дороги»
Девушка нежная, словно ручей!

В ЗЕМЛЯНКЕ

(Шутка)

Огонек чадит в жестянке,
Дым махорочный столбом...
Пять бойцов сидят в землянке
И мечтают кто о чем.

В тишине да на покое
Помечтать — оно не грех.
Вот один боец с тоскою
Глаз сощуря, молвил: «Эх!»

И замок. Второй качнулся,
Подавил протяжный вздох,
Вкусно дымом затянулся
И с улыбкой молвил: «Ох!»

«Да», — ответил третий, взявшись
За починку сапога,
А четвертый, размечтавшись,
Пробасил в ответ: «Ага!»

Эдуард Асадов

«Не могу уснуть, нет мочи! —
Пятый вымолвил солдат. —
Ну чего вы, братцы, к ночи
Разболтались про девчат!»»

1947

У опушки

Чиж с березы трель швыряет бойко.
Первый луч речную гладь согрел.
Воздух — земляничная настойка,
Два больших глотка — и захмелел.

Ну, а если человек влюблен,
Если встречи ждет и объясненья?
От любви, от вешнего цветенья
Как же парень должен быть хмелен!

Он сидит, покусывая ветку,
А вокруг ромашковый прибой,
И не крыша парковой беседки —
Синева без дна над головой.

Меж кустов ручей змеится лентой,
А над ним, нарушив тишину,
Дятел, словно доктор пациента,
Принялся выстукивать сосну.

Постучит, замрет... И, удивленный,
Круглым глазом книзу поведет,
Где сидит на пне студент влюбленный,
Смотрит вдаль, волнуется и ждет.

Вспоминает, как вот тут зимою
Две лыжни над речкою сошлись,
Девушка с каштановой косою
Засмеялась и скользнула вниз.

Ничего как будто не случилось,
Только смех в ушах стоял, как звон,
Только сердце парня покатилося
Вслед за нею круто под уклон.

Были встречи, были расставанья,
И улыбки, и в руке рука,
Но пока все главное в тумане,
«Да» иль «нет» не сказано пока.

Но пора, теперь он все узнает,
Ведь дорог отсюда только две...
Вон и платье меж кустов мелькает,
И коса венцом на голове.

Видно, сердца разгадала муки,
Улыбнулась искорками глаз,
Подбежала, протянула руки
И к плечу припала в первый раз.

Взмыв над речкой, в лес умчался дятел.
Шишка с шумом полетела вниз.
Двое засмеялись, обнялись.
Мы теперь тут лишние, читатель...

МЕДВЕЖОНОК

Беспощадный выстрел был и меткий.
Мать осела, зарывчав негромко,
Боль, веревки, скрип телеги, клетка...
Все как страшный сон для медвежонка.

Город суетливый, непонятный,
Зоопарк — зеленая тюрьма,
Публика снует туда-обратно,
За оградой высятся дома...

Солнца блеск, смеющиеся губы,
Возгласы, катанье на лошадке,
Сбросить бы свою медвежью шубу
И бежать в тайгу во все лопатки!

Вспомнил мать и сладкий мед пчелы,
И заныло сердце медвежонка,
Носом, словно мокрая клеенка,
Он, сопя, обнюхивал углы.

Если в клетку, из тайги попасть,
Как тесна и как противна клетка!

Эдуард Асадов

Медвежонок грыз стальную сетку
И до крови расцарапал пасть.

Боль, обида — все смешалось в сердце.
Он, рыча, корябал доски пола,
Бил с размаху лапой в стены, дверцу
Под нестройный гул толпы веселой.

Кто-то произнес: — Смотрите в оба!
Надо стать подальше, полукругом.
Невелик еще, а сколько злобы!
Ишь, какая лютая зверюга!

Силищи да ярости в нем сколько,
Попадись-ка в лапы — разорвет! —
А «зверюге» надо было только
С плачем ткнуться матери в живот.

1948

СТИХИ О РЫЖЕЙ ДВОРНЯГЕ

Хозяин погладил рукою
Лохматую рыжую спину:
— Прощай, брат! Хоть жаль мне, не скрою,
Но все же тебя я покину.

Швырнул под скамейку ошейник
И скрылся под гулким навесом,
Где пестрый людской муравейник
Вливался в вагоны экспресса.

Собака не взвыла ни разу,
И лишь за знакомой спиною
Следили два карие глаза
С почти человеческой тоскою.

Старик у вокзального входа
Сказал: — Что? Оставлен, бедняга?
Эх, будь ты хорошей породы...
А то ведь простая дворняга!

Огонь над трубой заметался,
Взревел паровоз что есть мочи,

На месте, как бык, потоптался
И ринулся в непогоду ночи.

В вагонах, забыв передряги,
Курили, смеялись, дремали...
Тут, видно, о рыжей дворняге
Не думали, не вспоминали.

Не ведал хозяин, что где-то
По шпалам, из сил выбиваясь,
За красным мелькающим светом
Собака бежит, задыхаясь!

Споткнувшись, кидается снова,
В кровь лапы о камни разбиты,
Что выпрыгнуть сердце готово
Наружу из пасти раскрытой!

Не ведал хозяин, что силы
Вдруг разом оставили тело
И, стукнувшись лбом о перила,
Собака под мост полетела...

Труп волны снесли под коряги...
Старик! Ты не знаешь природы:
Ведь может быть тело дворняги,
А сердце — чистой породы!

ТРАДИЦИОННЫЙ ВЕЧЕР 1949

Парень с синими глазами
Под моим окном стоит.
Парень теплыми словами
Мое сердце берedit...

— Вербы шепчут над рекою,
Ночь какая, посмотри!
Выходи, пойдем со мною,
Погоуляем до зари.

Я б ответила, конечно:
Дескать, сам встречай зарю.
Но ведь это ж мой любимый,
Но ведь это мой сердечный...

— Ладно, выйду, — говорю.
Мы сидели над обрывом,
Месяц плыл наискосок,
Волны мягко, торопливо

Набежали на песок
Мой парнишка вдруг смутился,
Посерьезнел, замолчал,